

УДК 101.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-1-0-9

Казанцева И. А.¹,
Бельчевичен С. П.²

ПОНИМАНИЕ СИМВОЛА И ЕГО РОЛЬ
В ФИЛОСОФИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

¹ Тверской государственный университет, ул. Желябова, д. 33, г. Тверь, 170100, Россия; *irina10768@mail.ru*

² Тверской государственный университет, ул. Желябова, д. 33, г. Тверь, 170100, Россия; *belchev64@mail.ru*

Аннотация. В статье предлагается присмотреться к одному из не вполне проясненных вопросов о специфике творчества и мировоззрения Д.С. Мережковского, а именно, о понимании роли символа в его философии. Полемизируя с реалистами, Д.С. Мережковский интерпретирует этот феномен сквозь призму мистицизма; категория символа предстает как средство иного видения мира и расширения возможностей художественного воображения. Авторы приходят к выводу, что символизм оказывал значительное влияние на философию Мережковского в течение всей его творческой карьеры. При этом обращается внимание на особенности символического толкования текста русским мыслителем в разные периоды его творчества.

Ключевые слова: русский символизм; реализм; символ; мировоззрение; художественное воображение; русская религиозная философия, неохристианство.

I. A. Kazantseva¹,
S. P. Belchevichen²

UNDERSTANDING THE SYMBOL AND ITS ROLE
IN DMITRY MEREZHKOVSKY'S PHILOSOPHY

¹ Tver State University, 33 Zhelyabov St., Tver, 170100, Russia; *irina10768@mail.ru*

² Tver State University, 33 Zhelyabov St., Tver, 170100, Russia; *belchev64@mail.ru*

Abstract. The article proposes to look at one of the not fully clarified questions about the specifics of creativity and worldview of Dmitry S. Merezhkovsky. Debating with the realists, he interprets this phenomenon through the prism of mysticism; the category of the symbol appears as a means of a different vision of the world and the empowerment of the artistic imagination. The authors conclude that symbolism had a significant influence on Merezhkovsky's philosophy throughout his creative career. This draws attention to the peculiarities of the symbolic interpretation of the text by the Russian thinker in different periods of his work.

Keywords: Russian symbolism; realism; symbol; worldview; artistic imagination; Russian religious philosophy; neo-christianity.

Творчество Дмитрия Сергеевича Мережковского многогранно: поэт, переводчик, литературный критик, религиозный философ, один из отцов русского символизма. Его изучают представители разных научных дисциплин, при этом в филологических и философских работах последних

лет всё чаще поднимается вопрос о символических и мифологических сторонах творческого метода мыслителя и художника [см.: 1; 2; 3; 5; 6; 8; 15; 16; 18; 19]. В этой связи важно проследить истоки и развитие символических начал в философско-религиозных основаниях литературно-филологического творчества Д.С. Мережковского.

Известно, что в самом начале своей карьеры Д.С. Мережковский увлекался позитивизмом О. Конта, Г. Спенсера, однако научное объяснение окружающей действительности вызвало у Д.С. Мережковского противоречивые чувства [см.: 14, с. 108]. Позитивизм, по словам Д.С. Мережковского, «есть утверждение мира, открытого чувственному опыту, как единственно реального, и отрицание мира сверхчувственного» [13, с. 16]. Данный принцип представлялся молодому автору весьма спорным, поскольку, отказываясь от абсолютных ценностей, человек терял смысл своего существования, перспективы духовного и социального развития. Столь же недолгим оказалось увлечение Д.С. Мережковского и русским народничеством.

Важным обстоятельством, определившим будущую карьеру Д.С. Мережковского, стало появление в литературе нового течения – символизма. Первым манифестом русских символистов явилась книга Н.М. Минского «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890). В книге говорилось о неизбежности гибели всего сущего перед феноменом смерти, а в качестве единственно реального позиционировалось «вечное стремление к несбыточному». Русские поэты смотрели на символизм как на средство художественного мышления нового типа. Противопоставляя его реализму, символисты стремились попасть в глубины метафизической сущности окружающего мира. Согласно их взглядам, он должен был строиться на воспроизведении явлений не в их материальной данности, а в виде идей, находящихся за пределами чувственного восприятия. Роль выразителя скрытых реальностей отводилась при этом символу, с помощью которого можно было выразить сложность и многообразие мира посредством художественных образов. Поэтому далеко не случайно, что почти одновременно Д.С. Мережковским были опубликованы сборник стихотворений «Символы» (1892) и ставшая программной для нового литературного течения статья «О причинах упадка и о новых течениях современной

русской литературы» (1893). Эта работа открывает новый период творчества Д.С. Мережковского (1893–1905), который принес ему всеевропейскую известность, благодаря исследованию «Толстой и Достоевский» (1901–1902) и трилогии «Христос и Антихрист», состоящей из трех романов: «Смерть Богов: Юлиан Отступник» (1895), «Воскресшие боги: Леонардо да Винчи» (1901), «Антихрист: Петр и Алексей» (1905).

В названной статье Д.С. Мережковский анализирует предшествующую литературную традицию, пытается выявить истоки нового литературного течения символизма. Он обращается к русскому народничеству. Рассматривает песни Кольцова, которые демонстрируют связь поэта с земледельческим бытом русского крестьянства. По мнению философа, поэт не только является носителем особого народного сознания, но и оказывается способным адекватно выразить связь повседневного крестьянского труда с мыслью о Боге. Комментируя эту взаимосвязь, Д.С. Мережковский пишет: «Слишком часто наше интеллигентное народничество упускало из виду эту идеальную сторону русского земледельческого быта, слишком часто оно боязливо отворачивалось от красоты и поэзии, признавая их барскою роскошью, слишком часто становилось на исключительно экономическую, мертвящую точку зрения, забывая в своих деловитых исследованиях, что дать народу Бога – это значит дать ему хлеба» [10, с. 163]. Современная литературная критика, указывая Д.С. Мережковский, ошибочно замечала только журналистскую сатиру Некрасова, наиболее слабую сторону его творчества, но есть и другой Некрасов – «великий и свободный поэт, Некрасов идеалист, Некрасов верующий в божественный и страдальческий, образ распятого Бога» [10, с. 164-165]. Подобным образом и в наследии Г. Успенского Мережковский обнаруживает соединение правды «земной» и правды «небесной», поскольку писатель не только описывал быт и традиции русского

крестьянства, но и выявлял стремление русского человека к земле и Богу. И даже в позитивизме Н.К. Михайловского философ обнаруживает истоки мистицизма. «Субъективный метод» в интерпретации Мережковского – это метод творческий, ведущий к раскрытию человеческой природы. Критик признает, что Михайловский – позитивист, но «в своих ранних статьях о Спенсере, Дарвине он идеалист» [10, с. 170]. Обобщая эти наблюдения, Мережковский делает вывод, что истоки зарождающегося нового литературного течения надо видеть в работах главных представителей русского народничества. Подчеркивая «упадок» в последующем развитии современной литературы, он предлагает использовать для подъема и оживления литературного движения приёмы, в которых бы сочетались идеалистические моменты – мистицизм, категория символа и художественная впечатлительность.

Для правильного понимания этой интеллектуально-эстетической инициативы нужно учитывать и то, что поиски, которые велись символистами, были частью широких исканий, какими отмечена русская духовная жизнь той поры. Благодаря усилиям Вл.С. Соловьёва, В.В. Розанова, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.В. Карташова, С.Л. Франка, Н.О. Лосского, Л.П. Карсавина и других авторов, в России создалась особая атмосфера религиозно-философского возрождения. Не удивительно, что к началу 90-х годов Д.С. Мережковский испытал, по его собственному признанию, глубокий религиозный переворот.

Я бога жаждал – и не знал:
Еще не верил, но любя,
Пока рассудком отрицал –
Я сердцем чувствовал Тебя.
И Ты открылся мне: Ты мир.

Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть благодарю [11, т. 1,

с. 5-6].

Опираясь на основные положения теории символизма, Д.С. Мережковский разрабатывает и соответствующий категориальный аппарат. Особенно рельефно это проявляется в его известном исследовании «Толстой и Достоевский». В исследовании философа великие русские писатели представлены как носители особого религиозного сознания, открывшего новую правду о «Духе» и «Плоти». Для Д.С. Мережковского их наследие символизирует разные подходы к культурному творчеству. Вся литературная деятельность Л.Н. Толстого связана с воспеванием языческой «Плоти». Вехи биографии Л.Н. Толстого, его детские впечатления, школа, военная служба, всё это интерпретируется Д.С. Мережковским как некая игра, «подобно дяде Ерошке», как любовь к себе, к собственной Плоти. Таковы и литературные герои Л.Н. Толстого – Ерошка, Николай Левин, Платон Каратаев, Пьер Безухов, Николай Ростов, – они бессознательно несут в себе языческое начало, воплощением которого является страх смерти и жажда жизни. Они пытаются найти абсолютные ценности, но, как замечает Д.С. Мережковский, «их христианские чувства, в особенности христианские мысли Иртеньева, Оленина, Безухова, Левина... возбуждают множество сомнений» [12, т. 7, с. 183]. Духовный переворот Л.Н. Толстого, отказ от имущества и аристократическая простота дома Толстых ведут его не к новому христианству, а к «животной радости» плотской жизни, к «американской подделке христианства». Таким образом, христианское перерождение Л.Н. Толстого, с точки зрения Д.С. Мережковского, так и не состоялось. Он остался «московским баричем» высшего круга. Весь его талант посвящен воспеванию «языческой религиозности», «телесно-духовного начала».

Если для Л.Н. Толстого обращение к христианству, как считал Мережковский, было лишь своеобразной игрой, то, с его же точки зрения, для Ф.М. Достоевского христианские ценности были основой существования. Вся жизнь Ф.М. Достоевского

сопряжена со страданием: он родился в бедности и всю жизнь «мучался бедностью», взошел на эшафот вместе с петрашевцами и за пять минут до казни был помилован. Болезнь Ф.М. Достоевского стала для него, как считает Д.С. Мережковский, не источником слабости, а источником творческого вдохновения. Ф.М. Достоевский перешел эту грань между жизнью и смертью, «он как бы всё время пока живет умирает» [12, т 7, с. 104]. Его герои несут в себе это страдание и глубокую религиозность, свойственные самому Ф.М. Достоевскому. Но в какой-то момент Д.С. Мережковский пришел к выводу, что Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский праведны в своей жизни не до конца. Творчество А.С. Пушкина становится и для него тем идеалом, где гармонично соединились земное и небесное, плоть и дух. А.С. Пушкин сумел приблизиться к идеалу «Святой Плоти», высшему символу культурного творчества. Д.С. Мережковский верил, что в России должен появиться поэт, писатель, способный продолжить пушкинскую литературную традицию.

В период эмиграции Д.С. Мережковский написал целый ряд работ: «Мессия», «Рождение богов. Тутанкамон на Крите», «Наполеон», «Тайна Запада: Атлантида – Европа». Но все же центральной работой мыслителя стал его труд «Иисус Неизвестный» (1932-1933). В этой книге Д.С. Мережковский стремится показать миру «подлинный лик» Сына Человеческого. Можно считать, что символизм и в этот период играет по-прежнему значительную роль в мировоззрении мыслителя. Г. Кузнецова приводит в своем дневнике важные подробности одной из бесед, состоявшейся между И.А. Буниным и Д.С. Мережковским: «Был разговор по поводу Сологуба, о котором кратко, но весьма невыгодно писал И.А. (И.А. Бунин – *авт.*) в прошлом фельетоне. Защищая род искусства, в котором действовал Сологуб, Мережковский сказал: «Вы можете любить или не любить, но вы должны признавать, что кроме вашего искусства, натуралистического, есть и другой

род. В нем действуют не действительные фигуры, а символы, что может быть даже и выше первого. Для вас “манекены”? Но ведь и Дон Кихот манекен! А у Ибсена нет ни одного живого лица. А весь Гоголь такие манекены. Но я не отдам одного такого гоголевского манекена из “Мертвых душ” за всего вашего Толстого! А Гамлет разве живое лицо?» [7, с. 182]. Как видно из этих слов, символ, в понимании Д.С. Мережковского, является неким гносеологическим «инструментом», с помощью которого возможно выразить невыразимое – иные истины, недоступные для реализма.

Неохристианство Д.С. Мережковского [см.: 2; 4; 9, 17] родилось в условиях кризиса секулярной гуманистической традиции, что стимулировало философа к переосмыслению традиционных христианских ценностей в рамках «нового религиозного сознания». Опираясь на наследие Ф. Ницше и Вл. Соловьева, он стремился предложить новые источники культурного творчества, акцентируя внимание на традиционных для исторического христианства темах взаимосвязи плоти и духа, человека и Бога. Символ в интерпретации сторонников одноименного течения является новым средством художественного мышления; с помощью данной категории становится возможным выразить «невыразимое», сложность и многообразие реального мира, познать его метафизическую сущность. На протяжении всей своей творческой карьеры философ опирался на символическую интерпретацию действительности. Для понимания неохристианства Д.С. Мережковского важнейшими являются толкование и дешифровка таких понятий, как «Языческое и Христианское», «Грядущий Хам», «Большая Россия», «Религиозная ответственность», «Святая Плоть», «Мессия», «Иисус Неизвестный» и другие образы-символы, которые нашли свое литературное воплощение в наследии русского мыслителя и стали частью его философского мировоззрения.

Литература

1. Андрущенко, Е.А. Тайновидение Мережковского // Д. С. Мережковский. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. С. 481–528.
2. Анненкова, Н.В. Философские взгляды Д. С. Мережковского: Становление и воплощение идей богоискательства: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Нижневартовск, 2001. 137 с.
3. Бонецкая, Н.К. Тела и тени (герменевтика Д. Мережковского в 1920-е годы) // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 160-170.
4. Воронцова, И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 424 с.
5. Житкова, Л.Н. Мифологический метод Д.С. Мережковского-критика // Дергачевские чтения–2011: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: мат-лы X Всерос. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения И. А. Дергачева, Екатеринбург, 6-7 октября 2011 г. Т. 2. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 131-137.
6. Корочкина, Е.В. Образы-символы и историософская концепция в трилогиях Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист», «Царство Зверя»: автореф. дис. ... канд. филологических наук. Ульяновск, 2008. 22 с.
7. Кузнецова, Г. Грасский дневник // Знамя. 1990. № 4. С. 168-206.
8. Кулешова, О.В. Притчи Дмитрия Мережковского. Единство философского и художественного. М.: Наука, 2007. 212 с.
9. Лундберг, Е. Мережковский и его новое христианство. СПб.: Тип. Г.А. Шумахера и Б.Д. Брукера, 1914. 192 с.
10. Мережковский, Д.С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата 1991. 362 с.
11. Мережковский, Д.С. Полное собрание сочинений в 24 т. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914.
12. Мережковский, Д.С. Полное собрание сочинений в 17 т. М.: Изд-во М.О. Вольфа, 1911.
13. Мережковский, Д.С. Большая Россия. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. 269 с.
14. Михайлова, Е.Е., Бельчевичен, С.П. Позитивизм и марксизм в России. Проблема социокультурного развития. Тверь: МГЭИ, 2012. 368 с.
15. Приходько, И.С. «Вечные спутники» Д. С. Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. М.: ИМЛИ, 1999. С. 198–206.
16. Пчелина, О.В. Д. С. Мережковский: цивилизация и культура. М.: Academia, 2006. 150 с.
17. Сарычев, Я.В. Религия Дмитрия Мережковского: «Неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение. Липецк: ИН-ФОЛ, 2001. 223 с.
18. Холиков, А.А. Основные научные работы о Д. С. Мережковском: материалы к библиографии // Вестник ПСТГУ. Филология. 2011. Вып. 2 (24). С. 107-167.
19. Царева, Н.А. Русский символизм: основные принципы и историософия (на материалах творчества Дм. Мережковского, В. Брюсова и А. Белого). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. 190 с.

References

1. Andryushchenko, E. A. (2000), “Merezhkovsky's Secret Dream”, *Merezhkovsky, D. S., L. Tolstoy i Dostoevskiy* [Merezhkovsky, D. S., L. Tolstoy and Dostoevskiy], Nauka, Moscow, Russia, 481-528 (in Russ.).
2. Annenkova, N. V. (2001), D.S. Merezhkovsky's philosophical views: the formation and implementation of the ideas of God-seeking, Ph.D. Thesis, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia (in Russ.).
3. Bonetskaya, N. K. (2017), “Bodies and shadows (hermeneutics by D. Merezhkovsky in the 1920-ies)”, *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 4, 160-170 (in Russ.).
4. Vorontsova, I. V. (2008), *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' v nachale XX veka* [Russian religious and philosophical thought in the early 20th century], PSTGU, Moscow, Russia (in Russ.).
5. Zhitkova, L.N. (2012), “Mythological method of D.S. Merezhkovsky as a criticist”, *Dergachevskie chteniya 2011: Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: materialy X Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyayshchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Dergacheva* [Dergachev readings-2011: Russian literature: national development and regional features: To the 100th anniversary of I. A. Dergachev. Yekaterinburg, 6-7 October 2011, Vol. 2.], Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, 131-137 (in Russ.).

6. Korochkina E. V. (2008), "Images-symbols and historiosophical concept in D.S. Merezhkovsky's trilogies 'Christ and Antichrist', 'The Kingdom of the Beast'", Abstract of Ph.D. dissertation in philological science, Ulyanovsk, Russia (in Russ.).

7. Kuznetsova, G. (1990), "Grasskii dnevnik" [Grasse diary], *Znamya*, 4, 168-206 (in Russ.).

8. Kuleshova, O. V. (2007), *Pritchi Dmitriya Merezhkovskogo. Edinstvo filosofskogo i khudozhestvennogo*, [The Parable of Dmitry Merezhkovsky. Unity of philosophical and artistic], Nauka, Russia (in Russ.).

9. Lundberg, E. (1914), *Merezhkovskiy i ego novoe hristianstvo*, [Merezhkovsky and his new Christianity], G.A. Schumacher and B.D. Brooker Publishing House, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

10. Merezhkovsky, D. S. (1991), *Akropol'*, Knizhnaya palata, Moscow, Russia (in Russ.).

11. Merezhkovsky, D. S. (1914), *Polnoe sobranie sochineniy v 24 t.* [A complete works in 24 vol.], Ivan D. Sytin (ed.), Moscow, Russia (in Russ.).

12. Merezhkovsky, D. S. (1911), *Polnoe sobranie sochineniy v 17 t.* [A complete works in 17 vol.], Maurycy O. Wolf (ed.), Moscow, Russia (in Russ.).

13. Merezhkovsky, D. S. (1991), *Bol'naya Rossiya*. [Sick Russia], The Publishing House of Leningrad University, Leningrad, Russia (in Russ.).

14. Mikhailova, E. E. and Belchevichen, S. P. (2012), *Pozitivizm i marksizm v Rossii. Problema sotsiokul'turnogo razvitiya* [Positivism in Marxism in Russia. The problem of socio-cultural development], MGEL, Tver, Russia (in Russ.).

15. Prihod'ko. I.S. (1999), "Eternal companions" by D.S. Merezhkovsky (on the problem of mythologization of culture), *D.S. Merezhkovskiy. Mysl' i slovo* [D.S. Merezhkovsky. Thought and word], IMLI, Moscow, Russia, 198-206 (in Russ.).

16. Pchelina, O. V. (2006), *D.S. Merezhkovskiy: tsivilizatsiya i kul'tura*, [D.S. Merezhkovsky: civilization and culture], Academia, Moscow, Russia (in Russ.).

17. Sarychev, Ya. V. (2001), *Religiya Dmitriya Merezhkovskogo: "Neokhristianskaya" doktrina i ee khudozhestvennoe voploshchenie* [Religion of Dmitry Merezhkovsky: "neo-Christian" doctrine and its artistic embodiment], INFOL, Liptsk, Russia (in Russ.).

18. Kholikov, A. A. (2011), "The main scientific work of D.S. Merezhkovsky: materials for bibliography", *Vestnik PSTGU. Philology*, 2 (24), 107-167 (in Russ.).

19. Tsareva, N. A. (2005), *Russkiy simvolizm: osnovnye printsipy i istoriosofiya (na materialakh tvorchestva Dm. Merezhkovskogo, V. Bryusova i A. Belogo)* [Russian symbolism: basic principles and historiosophy (based on the materials of Dm. Merezhkovsky, V. Bryusov and A. Beliy)], VGUES, Vladivostok, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Казанцева Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тверской государственной университет, ул. Желябова, д. 33, г. Тверь, 170100, Россия; irina10768@mail.ru

Бельчевичен Сергей Петрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры, Тверской государственной университет, ул. Желябова, д. 33, г. Тверь, 170100, Россия; belchev64@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Kazantseva Irina Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Advertisement and Public Relation, Tver State University, 33 Zhelyabov St., Tver, 170100, Russia; irina10768@mail.ru

Belchevichen Sergey Petrovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, 33 Zhelyabov St., Tver, 170100, Russia; belchev64@mail.ru